

Юрий Сарулин

*История не учительница,
а надзирательница. Она жестоко наказывает за незнание её уроков.*

В. О. Ключевский

ПРОДАЮ свою библиотеку. Я уже дважды это делал. Вначале после женитьбы, чтобы наладить новый быт. Затем во время переезда из студенческого общежития в квартиру. И каждый раз по новой начинал собирать книги. Теперь всё. Оставлять библиотеку некому. Детям и внукам она не нужна.

Но среди книг есть одна, которую не продашь. И ничего она не будет стоить. Даже имя её автора вызовет у потенциальных покупателей чувство отторжения. Она была первой в моих увлечениях книгами, и отношение моё к ней особое. Кажется, я не смогу с ней расстаться. Об этом последующий рассказ.

ТВОЯ
первая
книга

ГЕНИЙ,
ДЕМОН, ПРИЗРАК?

Весна 1943 года. Отец на фронте. Мама и мы, четверо детей, в деревушке Максютово на Южном Урале. Мне восемь лет. Пока мама на колхозной риге, старшая сестра в школе, я должен нянчить младшего брата Фарита. Мы с ним располагались обычно на полу чулана дома. Время от времени, когда он начинал настойчиво плакать, я был обязан давать ему в узелке из марли комочек разжёванного мною хлеба из ржаной муки и картофеля.

Соседский мальчик лет одиннадцати Жавдат часто приходил к нам. Становился, прислонившись к косяку двери, или присаживался на боковую половицу крыльца. Говорить было не о чем. Мне помнится, в войну дети мало между собой говорили, редко смеялись или играли. Он, как правило, подолгу смотрел на меня, на Фарита, на ломтик чёрного хлеба на платочке и, ничего не сказав, уходил. Но один из его приходов запомнился в подробностях и навсегда. Явился он тогда, босой, как обычно, но подпоясанный широким офицерским ремнём, с перекинутой через плечо портупеей и в фуражке со звездой – в амуниции, оставленной призванным на фронт старшим его братом. В руке его была картонная коробка, как оказалось, с книгой. Солнечный свет, проникавший полосками в длинные щели разошедшихся досок, из которых был сколочен чулан, освещал его фигуру, причудливо разделяя её на части по горизонтали.

Протянутая мне коробка вся была в солнечном свете. Книга плотно прилегла к её краям, но оказалось, достать её легко. Мои пальцы приятно скользили по очертаниям барельефа на переплёте, ощущали острёе её страниц из плотной бумаги, чистых в начале и с широкими полями по всей книге. Как хорошо было бы писать на них! Наши школьные тетради сшивались из газет, и писали мы между печатными строчками в них. Вернуть книгу я не мог. Жавдат повёл глазами на ломтик хлеба, и всё было решено. Я ему ломтик передал. Уходя, он сказал: «Линин». Так произносилось татарами слово «Ленин». Они долго привыкали правильно его выго-

варивать. В языке даже современного татарина с родным для него татарским языком можно заметить, если внимательно вслушиваться, выравнивание по звучанию гласных звуков в произносимых им русских словах.

У истоков моего библиофильства – именно эта книга Ленина. В своём содержании она была мне недоступна, но дорога просто как книга, как искусно сделанный предмет, мне принадлежащий. И такое продолжалось долго. Но слово «Ленин» было рядом. В школе, в армии, в университете. Оно конструировало моё сознание. В компартию я был принят по «ленинскому призыву» в июне 1956 года, после XX съезда партии. В армии, по рекомендации командира батальона, в котором служил. В университете прочитал всего несколько небольших статей Ленина. Как и остальные студенты, «конспектировал» его работы по их пересказам в учебных пособиях. Такое преподавателям было известно и поддерживалось ими: чтение оригиналов могло подтолкнуть студентов к «ошибочным» трактовкам. На четвёртом курсе я, практически не знавший Ленина, был поощрён за отличную учёбу и общественную работу ленинской стипендией, в несколько раз большей, чем рядовая.

Романтизм в моём восприятии Ленина продолжался до знаменитого «Открытого письма ЦК КПСС ЦК Компартии Китая», опубликованного в газете «Правда» 14 июля 1963 года. К тому времени я окончил университет и готовился к экзаменам в аспирантуру. С газетой «Правда» и с моим томиком Ленина я перелез через ограждение Центрального стадиона Казани и в одиночестве, расположившись на восточной его трибуне, лицом к Волге, к солнцу, стал читать это большое (в четыре страницы) письмо. Оказывается, оно было ответом на полученное за месяц до этого и не опубликованное у нас письмо ЦК КПК. Почему неопубликованное? Потому, говорилось в тексте, который я читал, что публикация привела бы к обострению полемики и к разжиганию страстей. Но Ленин-то был страстным

полюемистом! Из читаемого далее я понял, что и наше, и китайское партийные руководства расходятся в оценках Ленина и каждое из них считает его своим. Кто же он, чей он на самом деле, было не понять. Тогда-то я и начал открывать свой том Ленина, читать, пытаться осмысливать его тексты.

Когда я стал аспирантом, к первой моей книге начали прибавляться другие. Вначале приобретал я их случайно, покупая в букинистическом магазине то, что казалось интересным и было доступным по цене. Постепенно определилось и основное направление в моих увлечениях – русская литература и особенно авангард в ней, русская философия и история. То, что в них запрещалось, издавалось малыми тиражами, отличалось оформлением и т. д. Вместе с увеличением числа книг росла и необходимость группировать их и располагать в определённом порядке. Установить его оказалось несложно. Но только книге Ленина не находилось постоянного места. Она могла быть везде и нигде. Возможно, футуристическая поэма Маяковского «В. И. Ленин» подтолкнула меня видеть книгу, о которой речь, в литературном авангарде. Я пытался это сделать, начал искать поводы как в книге, так и в самом её авторе.

Во время Первой мировой войны, будучи в эмиграции в Швейцарии, Ленин и Крупская жили в Цюрихе. Почти рядом с их домом находился ресторан, в котором собирались дадаисты. Они устраивали поэтические чтения и представления под какофоническую музыку. Но основным их занятием было составление революционных манифестов. Авангард – сотни манифестов. На русском языке тоже. Как любили манифестировать себя и свои идеи наши авангардисты! Выступлениями в Политехническом музее, на различных собраниях, в кабаре. Необыкновенными своими костюмами, нередко геометрическими по форме, вызывающим стилем поведения. В одно, общее движение их объединяло стремление разрушить традиции, каноны, прорваться к новым началам в творчестве.

Большая часть работ Ленина – тоже манифесты: газетные статьи, тезисы, выступления. С типичным и для авангарда разрушающим пафосом. Мне кажется: Ленин на броневике Финляндского вокзала, с краткой и обращённой к толпе речью, – лучшая тому иллюстрация. Он охотно выступал в любой аудитории и манифестировал свои идеи. Но при своём сходстве с авангардом Ленин существенно отличается от него. В нём нет игры в разрушение, которая так сильна в русском авангарде. И в нём во все нет характерного для него зпатажа.

Мой том – первый из трёхтомника сочинений Ленина, изданного в 1937 году к 20-летию Октябрьской революции. С фотографическим портретом автора, с его факсимиле, с гравированным переплётom в три цвета и с золотым тиснением на корешке. Тяжёлый от качества бумаги, толстого переплётa и большого числа (более 500) страниц. В нём и знаменитые «Апрельские тезисы», произнесённые Лениным 17 апреля 1917 года в Таврическом дворце Петрограда. В них его страсть к разрушению достигает апогея. Цель ленинского проекта – разрушить российское государство, армию, войну, чиновничество, полицию, банки, собственность... Как блёкнет авангард, замкнутый в художественной фантазии, в игре слов, в экстравагантных движениях, на этом фоне последовательного разрушения! Ленин показал, что есть и может быть за тотальным разрушением, за «Чёрным квадратом». Свобода? Новый диктат? Развалины, от которых веет холодом? Барельеф Ленина на книге, о которой я говорю, – в стиле, изображавшем древнеримских императоров. Иногда Ленин, скуластый, с узкими серыми и острыми глазами и короткими ногами, мнится мне в образе сметающего всё на своём пути блоковского скифа на коне.

Моей «первой книге» в среде сочинений авангардистов одиноко. Возможно, ей просторнее в русской литературе и философии, где у идеи «разрушения» тоже своя история? К примеру, в сочинениях П. Чаадаева, Д. Писарева, К. Леонтьева, М. Бакунина, С. Нечаева. Эта же идея образовала целое течение в

умонастроениях русского общества начала прошлого века. Она в ожидании апокалипсиса, конца культуры и даже исчерпавшего себя человеческого существования. В дневнике А. Блока есть такая запись: «5 апр. 1912. Гибель *Titanica*, вчера обрадовавшая меня несказанно (есть ещё океан). Бесконечно пусто и тяжело». Британский корабль «Титаник», роскошный и недолгий в плавании, был в восприятии Блока и многих его современников символом богатства и власти немногих над остальным миром. И его гибель воспринималась как возмездие самой природы за творимое человеком зло.

Ленин идентифицировал себя, пока не стал Председателем Совнаркома, как писатель, литератор, журналист. Политиком он был по призванию, но стал им благодаря дару слова, оратора и полемиста. Несомненно, он литератор. И опять с отличающимися его особенностями. Основная из них – единство слова и дела. То, о чём так было желанно русским писателям, но так редко достигалось ими. Тексты Ленина не просто слова, они – сама история в её трагической и неумолимой поступи. Он как личность растворён в истории и творит её.

У Ленина нет литературного стиля в привычном для нас понимании. В выверенной образности, метафорах и других так называемых «художественных приёмах». Там же, где они есть, они второстепенны для него. Стиль Сталина елейный, Троцкого – декларативный, Луначарского – профессорский, Бухарина – пышный. Они оттачивали слово, чтобы красоваться, производить впечатление, добиться влияния. Для Ленина же стиль как предмет заботы не существует. Хорошо сказал об этом сюрреалист С. Дали: «Местами Ленин пишет лучше, чем какой-нибудь Кокто или Пруст. По крайней мере, он не острит пошло, и у него вы ничего не найдёте о рассыпчатых пирожных, переваренных в детстве. Но зато можете почерпнуть что-нибудь о путях гибели современной действительности».

Я нередко бываю в книжном магазине в «Кольце». В июне в его философском отделе был выставлен репринт книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», впервые изданной в 1909 году. Продержался он на полке недолго. В следующий мой приход его уже не было. Но продолжали оставаться на местах рафинированные Ж. Бодрийар, Ж. Делёз, Т. Адорно, Ж. Батай, представляющие последнее слово в философии. В книге, написанной в остро полемической манере, Ленин предлагал вернуться к самым началам философии вместо терминологических дискуссий и оторванных от жизни абстракций, которыми она в его время была перенасыщена, и начать философствовать по-новому. И теперешний интерес к книге Ленина не знак ли усталости молодёжи от словесной эквилибристики, вымученных философских тонкостей, далёких от её интересов, и желания вновь обратиться философию к жизни?

22 апреля 2020 года – 150 лет со дня рождения Ленина. Он, изменивший историю не только нашей страны, но и мировой, мало читанный и понятый, предаётся забвению. Оттеснён в мифологию: гений – в советское время; демон зла – теперь. Призрак. Я не ленинист, как может показаться кому-то из написанного выше. Я хочу демифологизировать Ленина, понять его. Не как пришельца из ниоткуда или несчастный и подлежащий забвению случай в нашей истории. Он в отечественной истории, в её сути. И в новом возмездии, если мы не станем из нашей истории делать выводы. Что будет с нами, когда сращение власти и денег, ставшее правилом нашей жизни, достигнет своего катастрофического предела? Уже теперь 10 процентов богатых россиян владеют более 80 процентами личного состояния в стране. По этому показателю мы впереди Китая и США? Не сменится ли наше существование очередным, подобным ленинскому, разрушением?

